Сегодня исполняется 100 лет со дня рождения великого русского артиста Василия Ивановича Качалова. Имя Качалова неразрывно связано с историей Московского Художественного театра: он был приглашен в театр В. И. Немировичем-Данченко вскоре после создания МХТа и до последних дней своей жизни творчески работал в театре.

Количество ролей, сыгранных В. И. Качаловым на сцене МХТа, огромно. Он был философичным, страдающим Гамлетом, пылким, насмешливым Чацким, измученным и холодным Иваном Карамазовым, сверхчеловеком Анатэмой.

Огромен вклад Василия Ивановича Качалова в развитие советской эстрады. В течение двадцати лет выступал артист с концертными программами, составленными из стихотворений русских и советских поэтов. Пушкин и Тютчев, Фет и Лермонтов, Есенин, Блок и Маяковский — составляли круг его поэтических привязанностей. В годы Великой Отечественной войны часто звучали по радио записи концертов Василия Ивановича, звучал его мощный, удивительно красивый и одухотворенный голос.

О великом артисте Качалове написано много книг, его крупнейшие роли остаются эталоном актерского искусства.

А что представлял из себя человек Качалов?

Корреспондент «Московского комсомольца» М. Кавицкая обратилась с этим вопросом к одному из старейших актеров МХАТа народному артисту СССР, профессору Виктору Яковлевичу Станицыну, который множество лет работал в театре вместе с Василием Ивановичем Качаловым. Вот что он рассказал:

В. СТАНИЦЫН

Москов. Комсомолец" 11 дек. 1975 г

ОН И В ЖИЗНИ БЫЛ ВЕЛИКИМ

В. И. Качалов. Рис. В. А. СЕРОВА. 1903 год.

— Мы пришли в театр из Второй студии. Нас было 16 человек. Старики встретили нас настороженно, косились. Единственный, кто принял нас без подозрительных взглядов, легко и просто, был Василий Иванович Качалов.

Первый крупный успех к нашему поколению пришел со спектаклем «Дни Турбиных». После премьеры состоялся наш первый банкет. Устроил его Василий Иванович. Он пригласил нас после спектакля к себе домой, а жил он тогда в маленьком двухэтажном особнячке во дворе театра. Принимал Василий Иванович очень радушно. До утра мы с восторгом и замиранием сердца слушали в его исполнении стихи, а знал он их великое множество.

Вообще человек он был удивительно открытый и дружелюбный. Как-то я спросил его: «Василий Иванович, почему вы меня на «вы» зовете? Я все-таки молодой еще совсем». Он мне на это ответил: «Я бы с удовольствием на «ты», но тогда и вы мне на «ты» говорите». Я, конечно, согласился, но так уж совсем на «ты» не решался. И стал он для меня — дядя Вася. Так обращалось к нему все наше поколение молодых мхатовцев.

Чем был для нас Качалов? Всем — старшим товарищем, большим другом, удивительным партнером.

Когда мы чего-нибудь в театре не понимали, шли к Качалову. Ответ всегда давался, причем ответ точный и вразумляющий.

Я играл с Качаловым во многих спектаклях и всегда убеждался в его благожелательности ко мне, молодому, еще неопытному тогда актеру.

К примеру, он был моим партнером в спектакле «У врат царства» Гамсуна. И я во время спектакля сбился, или, как говорят актеры, перехватил текст. По обычаю я должен был пойти к Качалову с извинениями, что я, конечно, и сделал. Прихожу к Василию Ивановичу, говорю, что, мол, так и так, извиняюсь. А он мне в ответ: «Что ты, что ты! У тебя все прекрасно было. Это, наверное, я что-нибудь напутал».

Доброта Василия Ивановича была буквально притчей во языцех. Ну такой, скажем, пример. У меня на курсе учился очень талантливый студент, но я его с третьего курса выгнал — вел он себя отвратительно: пил, занятия пропускал. Через некоторое время меня Качалов спрашивает: «А что такой-то студент твой из себя представляет?» Я рассказал, что парень талантливый, но непутевый ужасно. «А что?» — спрашиваю. — «Да понимаешь ли, он тут меня обманул здорово, меня трудно обмануть, но он пришел, начал рыдать, сказал, что у него мать умерла, и занял у меня крупную сумму денег. А потом я узнал, что все это не так, обман. Но ведь до чего же талантливо сыграно, никаких денег не жалко».

Качалов любил все свои роли — и положительные, и отрицательные. Даже Глумов в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты» получался у Василия Ивановича не лишенным обаяния. Этакий обаятельный мерзавец. Качалов даже получал письма от курсисток с приблизительно таким содержанием: «Как можете вы заставлять такого негодяя нравиться нам?».

Да, о необычайном обаянии Качалова немало написано и рассказано. В чем секрет этого обаяния? Как-то мы спросили у Владимира Ивановича Немировича-Данченко, что такое обаяние. Он ответил: «Обаяние — это прежде всего талант».